

УДК 94(470.6)»08/16»

ББК 63.3(235.7)4

П 16

Р.А. Панеш,

аспирант кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-952-985-60-73; e-mail: panesh2009@mail.ru

Социально-экономическое и политическое развитие западноадыгского социума в последней четверти XV-первой половине XVI вв.

(Рецензирована)

Аннотация. Исследование проблемы формирования Российского многонационального государства составляет одну из важнейших задач исторической науки. Важным аспектом данного вопроса является выяснение предпосылок установления военно-политических контактов между адыгами и Россией в 50-х гг. XVI в. Цель настоящей статьи — показать особенности социально-экономического развития адыгов накануне их обращения в Москву. Предметом исследования являются адыги Северо-Западного Кавказа, а объектом — социально-экономические процессы в адыгском обществе. В рассматриваемый период времени западноадыгский социум имел ярко выраженные феодальные черты. Отсутствовала политическая централизация. Официальной религии у адыгов не было, наблюдался своеобразный религиозный синкретизм.

Ключевые слова: адыги, феодализм, Кабарда, социальные отношения, Крымское ханство.

R.A. Panesh,

Post-graduate student of the Department of Russian History, Historiography, the Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, tel.: 8-952-985-60-73; e-mail: panesh2009@mail.ru

Social economic and political development of the Western Adyghs society in the last quarter of the 15-th and the first half of the 16th centuries

Abstract. Study of the problem of formation of Russian multinational state is one of the most important tasks of historical science. An important aspect of this issue is to clarify the preconditions of establishing political-military contacts between Russia and the Circassians in the 1550s. The purpose of this article is to show the peculiarities of the social and economic development of the Adyghs before their addressing to Moscow. The subject of research is the Circassians of Northwest Caucasus, and the object is the social and economic processes in the Adyghe society. The Western Adyghe society demonstrated feudal features in the period under review. The lack of political centralization. There was no official religion, peculiar religious syncretism was observed.

Keywords: Circassians, feudalism, Kabarda, social relations, the Crimean Khanate.

Изучение международного положения адыгов Западного Кавказа накануне их обращения в Москву в 50-х гг. XVI в. не может проводиться вне исследования основных тенденций в развитии общественного строя Черкесии. Такой подход

позволяет выявить особенности социально-экономических процессов, специфику религиозных представлений адыгов, в определенной степени определивших их отношение к политике Крымского ханства и Османского государства.

Западный Кавказ всегда привлекал внимание путешественников. В первой половине XV в. этот регион посетил венецианский дипломат и государственный деятель Иосафат Барбаро и генуэзский историк Джорджио Интериано. Их сведения позволяют составить представление о расселении, племенном делении, социально-экономическом и политическом строе адыгов в последней четверти XV — первой половине XVI вв. На протяжении этого периода и более позднего времени общественная эволюция не внесла существенных изменений в социальный строй адыгов. С учетом этого, сообщаемые И. Барбаро и Дж. Интериано факты в ряде случаев допустимо дополнить путем сравнения с данными авторов, писавших об адыгах в более позднее время (Э. Дортеллид'Асколи, Дж. Лукка, Ж.-Б. Тавернье, Эвлия Челеби и др.). Исследования российских археологов дали богатый материал для изучения общественно-экономического строя адыгов. Вместе с тем, многие моменты остаются еще невыясненными. Имеющиеся материалы позволяют дать лишь наиболее общую картину социально-экономической и политической жизни адыгов в рассматриваемое время.

В последней четверти XV — первой половине XVI вв. адыги населяли обширную территорию. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и приблизительно до начала XVI в. включала восточное побережье Азовского моря к юго-западу от устья Дона. В первой половине XVI в. адыги, вероятно под давлением крымских ханов, уходят из Приазовья на юг. Во всяком случае, позднее конца XV в. в этом районе они уже не фиксируются. Самой южной точкой расселения народа на побережье Черного моря Лукка называет Кудесчио — пункт, который Л.И. Лавров отождествляет с мысом Кодош в районе современного Туапсе [1]. Есть основания полагать, что в рассматриваемый период земли простирались приблизительно до этих мест. Северной границей была Кубань, в районе Пятигорья — Кума и далее Терек. В верхнем течении Терека и Сун-

жи лежали крайние адыгские области на востоке. На юге же их земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту. На указанной территории в последней четверти XV — первой половине XVI в. жили и другие народы — абазины, татары, балкарцы и карачаевцы, армяне, а также некоторые другие. На побережье Черного моря находились османские крепости Темрюк, Тамань, Суджук-Кале, Келенчик и др. В этих городах имелось и местное население. Ближайшим соседом адыгов на западе было Крымское ханство. В степях к северу от Кубани и Кумы кочевала Большая Орда, территория которой после ее разгрома в начале XVI в. была занята Ногайской Ордой. Восточными соседями являлись феодальные владения Дагестана, самыми крупными из которых были шамхальство Казикумухское и княжество Тюменское. Здесь же, в верховьях Терека, к землям адыгов примыкали территории, населенные осетинами. По Большому Кавказскому хребту адыги граничили с грузинскими княжествами, на Черноморском побережье — с Абхазией.

В рассматриваемое время адыги четко разделяются на две группы — западные и восточные адыги (кабардинцы). В дальнейшем они оформляются в родственные адыгские народности. В XV—XVI вв. этот процесс был далеко не завершен. У кабардинцев процесс формирования народности проходил интенсивнее [2].

По археологическим памятникам прослеживается различие погребального обряда и инвентаря двух групп адыгских курганов XV—XVI вв. — Кабардино-Пятигорской и Белореченской. По мнению Е.П. Алексеевой, различие между этими двумя группами этническое и связано с процессом оформления двух адыгских народностей [3]. Граница между Кабардой и Западной Черкесией проходила приблизительно от Эльбруса на север к верховьям Кумы и Подкумка.

Необходимо остановиться на вопросах этнической терминологии. Название «Кабарда» появляется безусловно ранее рассматриваемого времени:

впервые оно упоминается у Барбаро в форме «Кевертей» уже как устоявшееся название народа [4]. Таким образом, в последней четверти XV—первой половине XVI вв. восточные адыги четко выделяются под единым названием кабардинцев.

Собирательное название всех адыгских народов, употреблявшееся как в русских, польских, так и в турецких источниках, — «черкесы» («черкасы»). Черкесами называли иногда только западноадыгские субэтносы: кабардинцев русские и западноевропейские источники чаще именуют «пятигорскими черкесами», но так называют иногда и западных адыгов. Все эти названия давались адыгам другими народами, сами же они отчетливо сознавали свое этническое единство и сохраняли общее самосознание. Дж. Интериано указывал: они «сами себя называют адыга» [5]. Еще с XIII в. итальянцы называли адыгов «зихами»; это наименование в источниках иногда сохраняется и в XVI в. Спорным остается вопрос об этническом отношении адыгов и днепровских казаков, нередко именовавшихся «черкасами». Существующие материалы пока не позволяют определить это соотношение [6]. Впрочем, в источниках контекст чаще всего позволяет разобраться, о каких «черкасах» идет речь.

Если кабардинцы, жившие в последней четверти XV—первой половине XVI вв. в междуречье Терека и Малки по рекам Баксан, Чегем, Черек, Урух и частично на правобережье Терека до р. Сунжи, составляли в то время относительно единую этническую группу, то для западных адыгов было характерно устойчивое деление на субэтнические группы [7].

К середине XV в. основными субэтническими единицами западных адыгов были хегаки, жанеевцы, бжедуги и темиргоевцы. Хегаки занимали прибрежные земли, примыкавшие к устью Кубани и Таманскому полуострову от Анапы до Цемесской бухты. На востоке они граничили с жанеевцами, одним из наиболее многочисленных западноадыгских субэтносов. Этниче-

ская территория жанеевцев включала равнинные земли по обоим берегам нижней Кубани, а также часть отрогов Кавказского хребта с выходом на Черноморское побережье от Цемесской бухты до Пшады. Юго—восточными соседями жанеевцев были бжедуги, занимавшие горный район в долине р. Туапсе и верховья р. Псекупс. Кроме того, бжедуги контролировали значительный участок Черноморского побережья в районе Туапсе.

Верховья Пшехи и Белой занимали локальные группы горского населения, известные в более поздних источниках под названием абадзехов. Видимо, к середине XV в. они уже имели некоторые зачатки этнотерриториальной организации. Об этом можно судить по тому, что адыгскому фольклору известен некий Оздемир, возглавлявший абадзехов и других горцев в борьбе против Инала — родоначальника значительной части черкесских владетельных фамилий, жившего в первой половине XV в. [8].

Предгорные и степные пространства по левым притокам Кубани от Афиписа до Лабы, а также значительную часть Приазовья занимали темиргоевцы.

Усиление военно-политического натиска на адыгские земли со стороны Османской империи и ее вассала — Крымского ханства привело к тому, что северная граница Западной Черкесии сместилась значительно южнее. Как было выше отмечено, к середине XVI в. Восточное Приазовье от устья Дона до течения Кубани перешло под контроль новых хозяев — мурз Малого Нагая — вассалов Крымского ханства. Поселения жанеевцев и темиргоевцев оказались оттеснены на левобережье Кубани. Основная масса восточных адыгов — кабардинцев утверждала свое господство в Центральном Предкавказье и низовьях Терека. Лишь небольшая часть кабардинцев в результате междоусобиц откололась от основного массива и осталась в междуречье Лабы и Урупа под названием бесленеевцев (по имени князя Беслана).

Динамика этнических процессов в Западной Черкесии в эпоху позднего

средневековья и в новое время характеризовалась несколькими тенденциями, определявшими специфику развития этнического и субэтнического уровней самосознания адыгов. Население Западного Кавказа с древнейших времен отличалось определенной этноязыковой однородностью. Однако даже после сложения адыгской народности оставалось актуальным противопоставление двух основных центров консолидационной активности адыгов. Между жителями Причерноморья и высокогорной зоны и населением Прикубанья сохранялись некоторые различия этнокультурного и социально-политического характера, поддерживавшие устойчивость субэтнического уровня самосознания у различных групп адыгов.

Основными занятиями адыгов, живших на равнинных землях и в предгорьях, были скотоводство и земледелие, однако в Кабарде, по видимому, скотоводство играло большую роль, чем земледелие, тогда как у западных адыгов, по мнению ряда исследователей, соотношение было обратным [9]. При этом Кабарда в целом являлась более развитой в экономическом отношении. Адыги вели безусловно оседлый образ жизни, что подтверждается, в частности, археологическими материалами: только оседлым народом могли быть оставлены на сравнительно небольшой территории столь многочисленные курганные захоронения [10]. Средневековые авторы, говоря об адыгах, отмечали, что «живут они деревнями и по всей стране нет ни одного города или укрепленного стенами места», «нет ни одной, даже самой маленькой, крепости во всей той стране» [11]. Поселения адыгов («кабаки»), состоявшие из глинобитных домов, не были постоянными, жители часто переходили на новые места. Эта подвижность населения не имела ничего общего с кочевничеством. Она вызывалась политическими причинами — угрозой со стороны врагов, междоусобными войнами — и не была связана с нуждами скотоводства [12]. Оно было не кочевым, а отгонным. Адыги разводили крупный рогатый скот, овец,

коз. В зависимости от его количества измерялась и зажиточность людей. Эвлиа Челеби специально разъясняет, что «богатые» у адыгов — это «владеющие животными» [13]. Важнейшей отраслью хозяйства было коневодство: черкесские лошади славилась своей красотой и выносливостью, о чем говорят Барбаро, Интериано, Лукка, Тавернье [14]. Земледелие у адыгов имело давние и богатые традиции [15]. Оно было пахотным: Интериано упоминает быков и, скорее всего, как тягловый скот [16]. О наличии переложной системы земледелия у адыгов свидетельствует Тавернье [17]. Основной земледельческой культурой было просо, для лошадей сеяли ячмень. Свои потребности в хлебе адыги удовлетворяли полностью: еще Барбаро писал, что «хлеба в той стране много» [18]. Важной отраслью хозяйства адыгов, в особенности в Западной Черкесии, было рыболовство. Подсобное значение имела охота. Значительного развития достигло ремесло, существовавшее в основном в виде домашнего производства. Эвлиа Челеби неоднократно подчеркивает, что у адыгов много ремесленников, работающих дома.

Адыги оживленно торговали с соседями. В силу наличия натурального хозяйства внутреннего обмена почти не было. Торговля носила меновой характер. Интериано сообщает, что «так как в этой стране не употребляется и не имеется в хождении никакая монета (деньги), особенно внутри страны, то их сделки совершаются на бокассины, т. е. куски полотна на рубашку» [19]. В XIII-XV вв. адыги торговали с жителями итальянских факторий на Черноморском побережье (Матрега, Копа, Мапа и др.

Итальянцы покупали рыбу, мех, хлеб, воск, однако главной статьей вывоза с Западного Кавказа были рабы. Генуэзские купцы захватывали или покупали их у адыгской знати, которая часто продавала взятых в плен в междоусобицах соотечественников. Рабы черкесского происхождения среди привезенных в Европу работниками выходцев с Кавказа составляли

одну из самых многочисленных групп. Рабы-черкесы и в особенности рабыни-черкешенки ценились очень высоко. Известно, что египетские мамлюкские султаны династии Бурджи (правила с 1382 по 1517 гг.) вышли из невольников-черкесов, составлявших основу мамлюкской гвардии. После захвата османами итальянских колоний в Причерноморье объем внешней торговли адыгов сократился, но о прекращении торговых связей со сменившими генуэзцев османами говорить не приходится. Адыги продавали жителям османских крепостей рыбу, икру, мед, некоторые виды шерстяных тканей. В свою очередь, адыги покупали зерно, скот, ткани. По-прежнему вывозились невольники. Они находили спрос не только в османских владениях, но и на всем Ближнем Востоке, особенно в Египте [20]. Непрерывный спрос на вывезенных из Причерноморья рабов в Османской империи был одной из причин постоянных набегов крымских ханов на соседние земли, в том числе адыгские. Пленные были главной статьей вывоза из Крыма, поэтому османские султаны всячески поощряли крымские набеги. Людские потери, которые несли адыги, не поддаются подсчету. Отметим, что черкешенки из числа захваченных в плен былиженами многих крымских ханов и османских султанов [21]. Крымские набеги с целью захвата рабов являлись для адыгов источником бедствий вплоть до конца XVIIIв., когда Крымское ханство перестало существовать.

Вопрос об общественном строе адыгских народов в XV-XVIIвв. является дискуссионным [22]. К настоящему времени подавляющее большинство исследователей признают наличие у адыгов классового феодального общества. Вместе с тем указывается, что феодальное общество у адыгов, в частности в Кабарде, хотя и было одним из наиболее развитых на Северном Кавказе, находилось в процессе эволюции и в нем сохранялись многие пережитки патриархально-родового строя [23]. Важной особенностью общественного строя адыгов являлось устойчи-

вое функционирование традиционных институтов саморегуляции. К ним относились гостеприимство, куначество, покровительство, аталычество и кровная месть. Особо следует сказать об аталычестве у адыгов. Оно отмечалось всеми авторами как характерное явление общественного быта адыгов. В условиях сохранения традиционной сословной иерархии оно выполняло две основные функции: способа воспитания и средства поддержания сюзеренно-вассальных отношений. Общественно-политическое значение аталычества заключалось в установлении или закреплении социальных связей между представителями господствующего класса. Особенно важно отметить, что отношениями аталычества адыги были связаны с татарами Крымского ханства. Адыгские князья воспитывали детей крымского хана, признавая тем самым его сюзеренитет. По сведениям С. Броневского, «прежде сего крымские султаны всегда воспитывались у черкесов, и в надежде на дружественные связи, между ними упроченные, при малейшем неудовольствии на хана привыкли находить за Кубанью убежище» [24]. Это, в свою очередь, укрепляло позиции Крымского ханства в Черкесии и отвечало его стремлению создать здесь привилегированный слой выходцев из дома Гиреев. «В числе князей и аристократии черкесской, — писал К.Ф. Сталь, — мы встречаем также потомков крымских ханов» [25].

В рассматриваемый период у адыгов имелась вполне оформившаяся федално-иерархическая лестница, о существовании которой впервые упоминает Интериано [26]. На вершине сословной лестницы находились князья — пши. Следующими после них в системе иерархии стояли дворяне. С XVI в. в качестве синонима традиционному понятию «уорк» в русских источниках, в затем и в свидетельствах западноевропейских путешественников распространяется чуждое адыгскому языку слово «уздень».

Основную часть населения составляли крестьяне (адыгское название — тфокотли). Крестьяне резко отличались

от феодалов по своему как правовому, так и имущественному положению. Различались одежда, украшения, пища крестьян и феодалов, о чем свидетельствуют данные д'Асколи, Тавернье, Эвлии Челеби [27]. Средневековые источники чаще всего объединяют и свободных, и крепостных крестьян у адыгов в одну группу, но еще Интериано выделял среди прочих социальных групп адыгского общества «сервов». Как справедливо полагает Е.П. Алексеева, этим привычным ему термином он обозначает феодально-зависимых крестьян [28]. Имелось у адыгов и определенное количество рабов (унаутов), их труд использовали в основном в домашнем хозяйстве, рабовладение имело патриархальный характер. Основную роль играла продажа невольников на внешний рынок.

Дискуссионным является вопрос о существовании у адыгов в тот период феодальной собственности на землю. Большинство авторов склоняются к тому, что она у адыгов существовала. Л.И. Лавров, однако, в своих последних работах отошел от этой точки зрения, которой ранее также придерживался [29]. Это вызвало возражения со стороны ряда исследователей [30]. В любом случае можно утверждать, что в связи с подвижностью адыгских поселений феодальное владение не было твердо установившейся территорией. Оно включало не столько определенные земли, сколько зависимое от князя население (узденей, крестьян), а затем уже земли [31].

Централизованного государства у адыгов не было. Однако при отсутствии единой власти имелись сложившиеся нормы обычного права. Они возникали еще при родовом строе, но в эпоху феодализации перерождались, наполняясь феодальным содержанием, превращались в институт классового общества [32].

Нельзя не остановиться на вопросе о христианстве у адыгов и распространении ислама на Западном Кавказе. О том, что адыги были православными христианами, свидетельствуют большинство авторов XV-XVII вв., та-

кие, как И. Шильтбергер, И. Барбаро, Дж. Интериано, М. Меховский, С. Герберштейн, А. Ламберти [33]. Опубликованная Л.И. Лавровым надгробная надпись 1553 г. с шамхальского кладбища в Кумухе называет черкесов «неверными», т.е. немусульманами [34]. При этом многие из авторов отмечают, что адыги, признавая православие своей официальной религией, в действительности плохо исполняли церковные предписания.

Джорджио Интериано, оставивший нам первое и наиболее достоверное описание образа жизни адыгов, отметил важнейшую особенность менталитета адыгов, которая сохранялась и в последующее время: они начинали задумываться о Боге, бессмертии души, Судном дне только с наступлением старости [35]. В сущности, эта черта граничила с религиозным индифферентизмом. Господство христианства в адыгской среде было во многом формальным. Оно не проникло достаточно глубоко в общественное сознание.

Падение Византийской империи, разрыв связей с Западной Европой в лице геноэзцев приводит к заметному ослаблению влияния христианства в Черкесии. На фоне его угасания происходит ревитализация архаических верований.

Проникновение ислама на Северный Кавказ началось еще в домонгольское время. Во второй половине XVI в. русские источники уже констатируют, что адыгские князья присягали по «мусульманскому закону». По-видимому, распространение ислама шло быстрее в среде князей и знати [36]. Вместе с тем Эвлия Челеби сообщает, что черкесы и кабардинцы стали мусульманами лишь недавно. Дж. Лукка указывает, что «одни из них магометане, другие следуют греческому обряду», а Ж. Тавернье вообще говорит, что «эти народы, собственно говоря, ни христиане, ни магометане, и вся их религия заключается, собственно, в нескольких обрядах» [37]. Все это показывает, что распространение ислама среди адыгов в XV-XVII вв. не было успешным. Проникновение мусульманства на За-

падный Кавказ было теснейшим образом связано с распространением на этот регион крымско-османского влияния. Поэтому медленное утверждение здесь новой религии свидетельствует о сопротивлении адыгов распространению на них господства Крымского ханства и Османского государства. В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство. Рассматривая исламизацию адыгов, не следует делать акцент на насильственный характер этого процесса. Успехи и неудачи исламизации Черкесии объясняются геостратегическими и социокультурными приоритетами адыгской знати.

Таким образом, изученные материалы позволяют сделать ряд важных выводов. Во-первых, в рассматриваемый период времени западноадыгский

социум имел четко оформленную социальную иерархию. Социально-экономические процессы протекали динамично. По свидетельству большинства авторов, в Западной Черкесии в XV-XVII вв. устойчиво функционировали соционормативные институты: аталычество, куначество и гостеприимство.

Во-вторых, особенности субэтнического деления, отсутствие официальной религиозной идеологии во многом тормозили процессы политической консолидации у западных адыгов. И, наконец, западноадыгский социум сохранил в исследуемый период патриархально-родовые черты.

Таковы основные черты внутренней жизни адыгских народов последней четверти XV—первой половины XVI столетия.

Примечания:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с. (Далее: АБКИЕА); Лавров Л.И. «Обезы» русских летописей // Сов. этнография. 1946. №4. С. 70, 165.
2. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. С. 130, 205.
3. Алексеева Е.П. Очерки по истории черкесов в XIV-XV вв. // Труды Карачаево-Черкес. НИИ. Сер. ист. 1959. Вып. 3. С. 19-24; Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV-XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 207; Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. С. 218.
4. Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 153.
5. АБКИЕА. С. 46.
6. См.: Горленко В.Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII-первой половины XIX в. // Сов. этнография. 1982. №3. С. 96-107.
7. Народы Кавказа. М.: Наука, 1960. Т. 1. С. 611; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI-30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 94-95.
8. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 95; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 200-201.
9. Лавров Л.И. Кабардино-адыгейская культура XIII-XV вв. // Сов. этнография. 1957. №4. С. 13; Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1957. С. 50; История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 81.
10. Лавров Л.И. Кабардино-адыгейская культура XIII-XV вв... С. 14; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 158; Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 146.
11. АБКИЕА. С. 47, 51, 76.
12. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 230-271.
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 64.
14. Барбаро и Контарини о России // АБКИЕА. С. 153, 47, 72.
15. Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Вып. 1. С. 13; Лавров Л.И. Кабардино-адыгейская культура XIII-XV вв. // Сов. этнография. 1957. №4. С. 50; Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. С. 81; История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 14.

16. АБКИЕА. С. 47.
17. Там же. С. 74.
18. Барбаро и Контарини о России... С. 173.
19. АБКИЕА. С. 48.
20. Верлинден Ш. Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. М.: Наука, 1970. С. 8-11.
21. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 150-151.
22. См.: Кумыков Т.Х. К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 180-190.
23. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 108; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1... С. 82; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 76; Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 68.
24. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Т. 2. С. 173.
25. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1910. С. 153.
26. АБКИЕА. С. 47.
27. Там же. С. 63; Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 81.
28. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 245.
29. Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 15; Он же. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. С. 26.
30. Налоева Е.Д. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 5-27; Кумыков Т.Х. Основные этапы и некоторые особенности феодализма у адыгских народов // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 28-35.
31. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 115.
32. Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса... С. 187; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 98.
33. АБКИЕА. С. 38; Барбаро и Контарини о России... С. 47; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 68; Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Наука, 1988. С. 74.
34. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 149.

References:

1. Circassians, Balkar and Karachai in news of European authors of XIII-XIX centuries. Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (Further: АБКИЕА); L.I. Lavrov «Obyezy» of Russian chronicles // Sov. ethnography. 1946. №4. Pp. 70, 165.
2. Essays on the History of Karachay-Cherkessia. Stavropol, 1967. V. 1; Alekseeva E.P. Ancient and Medieval History of Karachay-Cherkessia. Moscow: Science, 1971. Pp. 130, 205.
3. Alekseyev E.P. Essays on the history of the Circassians in the XIV-XV centuries // Proceedings of Karachay-Cherkessia. SRI. Ser. source 1959. Issue 3. Pp. 19-24; Shafiev N.A. History and culture of Kabardians in the late Middle Ages (XIV-XVI centuries). Nalchik: Elbrus, 1968. P. 207; Nagoev A.Kh. Results of excavations of Kabardinian mounds on the new developments of Kabardino-Balkaria in the 1972-1977 years // Archaeological research on the new developments of Kabardino-Balkaria in the 1972-1979 years. Nalchik: Elbrus, 1987. V. 3. P. 218.
4. Barbaro and Contarini about Russia: the history of the Italian-Russian relations in the XV century. Leningrad: Science, 1971. P. 153.
5. АБКИЕА. P. 46.
6. See Horlenko V.F. On ethnicon of Circassians in domestic science at the end of XVIII—early XIX century. // Sov. ethnography. 1982. №3. Pp. 96-107.
7. Peoples of the Caucasus. M.: Science, 1960. V. 1. P. 611; Kusheva E.N. North Caucasian peoples and their relationship with Russia: The second half of XVI—30s XVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963. P. 94-95.
8. Nogmov S.B. History Adyghe people. Nalchik: Elbrus, 1994. Pp. 95; Giray Khan. Notes on Cherkessia. Nalchik: Elbrus, 1978. Pp. 200-201.
9. Lavrov L.I. Kabardino-Adyghe culture XIII-XV centuries // Sov. ethnography. 1957. №4. P. 13; Alekseeva E.P. Essays on the economy and culture of the peoples of Circassia

in XVI-XVII centuries. Cherkessk: Stavrop. Publishing House, 1957. P. 50; History of the Kabardino—Balkar ASSR. Moscow: Science, 1967. V. 1. Pp. 81.

10. Lavrov L.I. Kabardinian and Adyghe culture in XIII-XV centuries... P. 14; Essays on the History of Karachay-Cherkessia. V. 1. P. 158; Nagoev A.X. Material Culture of Kabardians in the late Middle Ages (XIV-XVII centuries). Nalchik: Elbrus, 1981. P. 146.

11. ABKIEA. Pp. 47, 51, 76.

12. Alekseyev E.P. Ancient and Medieval History of Karachay-Cherkessia. Pp. 230-271.

13. Evliya Chelebi. Travel book. Moscow: Science, 1979. Issue 2. P. 64.

14. Barbaro and Contarini of Russia // ABKIEA. P. 153, 47, 72.

15. Lavrov L.I. The development of agriculture in the Northwest Caucasus since ancient times to the middle of the XVIII century. // Materials on the history of Agriculture. M., 1952. Issue. 1. P. 13; L.I. Lavrov Kabardinians and Adyghe culture of XIII-XV centuries. // Sov. ethnography. 1957. №4. P. 50; Alekseeva E.P. Essays on the economy and culture of the peoples of Circassia in XVI-XVII centuries. Pp. 81; History of the Kabardino-Balkar ASSR. Moscow: Nauka, 1967. T. 1. P. 14.

16. ABKIEA. P. 47.

17. Ibid. P. 74.

18. Barbaro and Contarini about Russia... P. 173.

19. ABKIEA. P. 48.

20. Verlinden Sh. Trading on the Black Sea since the beginning of the Byzantine period until the conquest of Egypt by the Turks in 1517, Moscow: Science, 1970. Pp. 8-11.

21. Kusheva E.N. Peoples of the North Caucasus... P. 150-151.

22. See: Kумыков Т.Х. On the question of the origin and development of feudalism in Adyghe people // Problems of feudalism among the peoples of the USSR. Moscow: Science, 1969. Pp. 180-190.

23. Kusheva E.N. Peoples of the North Caucasus... P. 108; History of the Kabardino-Balkar ASSR. T 1. P. 82; Alekseeva E.P. Ancient and Medieval History of Karachai-Cherkessia. Pp. 76; Kusheva E.N. On some peculiarities of the genesis of feudalism among the peoples of the Northern Caucasus // Problems of feudalism among the peoples of the USSR. Moscow: Science, 1969. P. 68.

24. Bronevsky S.M. Latest geographical and historical information about the Caucasus. M.: Publ. House S. Selivanovsky 1823. V. 2 P. 173.

25. Stal' K.F. Ethnographic study of the Circassian people // Caucasian collection. V. 21. Tiflis, 1910. P. 153.

26. ABKIEA. P. 47.

27. Ibid. Pp. 63; Evliya Celebi. Ordinance. Op. Issue 2. P. 81.

28. Alekseyev E.P. Ancient and Medieval History of Karachai-Cherkessia... P. 245.

29. Lavrov L.I. The pressing problems of the study of social relations in pre-capitalist Caucasus // Social History of the peoples of Asia. Moscow: Science, 1975. Pp. 15; The same. Historical and ethnographic essays about Caucasus. Leningrad: Science, 1978. P. 26.

30. Naloeva E.D. About the features of feudalism Kabardian // From the history of feudal Kabarda and Balkaria. Nalchik: Elbrus, 1981. Pp. 5-27; Kумыков Т.Х. Milestones and some features of feudalism Adyghe people // The development of feudal relations among the peoples of the North Caucasus. Makhachkala, 1988. Pp. 28-35.

31. Kusheva E.N. Peoples of the North Caucasus... P. 115.

32. Kusheva E.N. On some peculiarities of the genesis... P. 187; Alekseeva E.P. Ancient and Medieval History of Karachai-Cherkessia... P. 98.

33. ABKIEA. P. 38; Barbaro and Contarini about Russia... P. 47; Mekhovskiy M. Treatise on two Sarmatians. M.; Leningrad: AN USSR, 1936. P. 68; Gerberstein S. Notes on Muscovy. Moscow: Science, 1988. P. 74.

34. Lavrov L.I. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Moscow: Science, 1966. V. 1. P. 149.